Дюк Степанович (16)

Как во той-де во Нижной Малой Галицы, Как во той-де Корелы пребогатоей, Кабы жил там Степан да он состарилсэ, Как ище того Степан скоре представилсэ. Как осталась у его да молода жона, Молода-та жона да чадо милое, Как ему-то ле было как названьицо — Абы был он ле Дюк ыще Степановиць. Как прошло тому времецька семнадцеть лет, Говорил он своей да родной маменьки: «Уж ты ой еси моя мати родимая! Уж ты дай-ко-се мне благословленьице, Кабы съездить-сходить мне [в] стольной Киев-град, Посмотреть мне кнезя да со кнегинаю, Посмотреть-то мне русскиих богатырей!» Говорила ему да мать родимая: «Ты не езди, моё да чадо милаё, Ты не езди-ко ты да в стольной Киев-град — У цяря-та живут пиры омманчивы. [Там похвастаёшь ты да...] Ты напьессе тогды да зелена вина, Ты похвастаешь тогда да золотой казной, Ты похвастаешь тогда еще добрым конём, Ты похвастаешь ище силой могучёей». Говорит он на то да родной матушки: «Я поеду сейчас да в стольной Киёв-град!» Как дала она ему благословленьица: «Ах, поедёшь ты, чадо мое милоё, Ты не пей-ко ле там да зелена вина, Ты не пей-ко-се там да пива пьянаго, Ты не хвастай-ко там да золотой казной, Ты не хвастай-ко там ыще добрым конём, Ты не хвастай-ко ты да платьём цветныим — Ты похвастай-ко мной, да старой матерью». Походил тогды Дюк да на конюшен двор,

Выбирал себе коня да троелеточка,

Надевал ему уздечку шелку шемохацкаго,

Надевал ему седёлышко сверькальскоё,

Он садилсэ тогды да на добра коня,

Поежжал он тогда да в стольной Киёв-град.

Он приехал ко князю ко Владимеру,

Как ко той до ему да гринни княжонецкоей.

(Это-то я пробрасывал тогда, забыл онново, так.)

Он подъезал ко гринни княжонецкоей,

Как к тому-де столбу ище дубовому.

Ак у того-де столба да у дубового

Как завеньчено было три колечика:

Как первоё-то колецько было менноё,

Как второё-то колецько как серебрено,

Кабы третьё колецько позолочено.

Тут были ведь подписи подписаны,

Уж как были й-де подрези подрезаны:

Кабы простые-то ле люди крестиянскея

Кабы вежут добрых коней к колечику,

Как к колечику вяжут они к менному;

Как богатые люди ище приедут,

Они вяжут кольцо ище серебрено;

Как богатыри-те как ишче приедут,

Они вяжут за колецико золочено.

(Три колечика, дак разны приежжают да завязывают.)

Говорит-то ведь Дюк ыще Степановиць:

«Я в своей-то ле Нижней Малой Галифты,

Я ведь там-то живу я ведь простым мужиком;

А в своей-то вот Нижной Малой Галицы,

Я ведь там же живу ище добрым купцом;

Я своей-то в ле в Нижной Малой Галицы,

Я живу-де ведь как да я великим князём».

(Я, говорит, сам всё один соуправляю, дак!)

Он завязывал коня да за колецика,

Как за все-те он три да ён зав'язывал.

(Как он все будто и исполнял, он все колецика поводом продёрнул.)

А князя-та Владимера в доме не слуцилосе,

Кабы ушли они-то ведь в церкву божию

Как служить-то обедню воскресенскую.

Там походит ле Дюк да во божью церькву, Он заходит-де Дюк да во божью церькву, Он крест-от кладёт да по-учёному, Он молитву творит полну Исусову, Кабы поклон-от ведёт да по-писа́нному, Он стаёт тогда подле князя по Владимера, Тут приходит ему...

(От приходит ему..., как жо, от забыл... Уже надумалось! Дак можно отдохнуть ведь.)

Приходит ему Чурило да блада Клёнковиць. «Уж ты ой еси, удалый доброй молодец! Ты с какой-де страны, да ты какой земли, Ты какой-де земли, ище какой Орды, Уж ведь как-то тебя да именём зовут?» Отвечал на то ле Дюк ыще Степановиць: «Ат не то-де поют, да здесь ведь слушают, Как поют здесь ведь службу воскресенскую». Кабы концилась тогда служба воскресенская, Как Владимер-от князь берёт Дюка Степанова За правую руку ище за белую, Он ведёт его во гридню княжонецкую. Он устроил тогда он еще пир богатыи Как для тех-то бояр да толстобрюхиих, Как для тех-то кресьян да православныих, Как для тех-де он русскиих богатырей. Кабы все на пиру да напивалисе, Кабы все на честном да наедалисе, Кабы все-то сидят да пьяны-веселы, Как один-то ле Дюк сидит нецем не хвастает. Подходил ему солнышко Владимер-князь: «Уж ты што же, уда́лой доброй молодец, Уж ты што же ле, Дюк да наш Степановиць, Почему же нецем да ты не хвастаешь? Наверно, рюмки вина те не доходили, Винно, пивныя чяры не доношены?» Отвечаёт на то да Дюк Степановиць: «Мне как винны-ти чярочки доношаны, Уж мне пивны стоканы все доходили».

Ат на то ведь нынь солнышко догадлив был, Он спускалсэ сейчас да во глубок погреб, Наливал он ведь чяру зелена вина, Не вели́ку, не ма́лу — полтора ведра, Заносил он ведь Дюку-то Степанову. Как берет-то Дюк Степановиць чярку во праву́ руку́, Кабы пьёт эту чяру к едину́ духу́, Он калачиком...

Заносил он ведь Дюку-то Степанову. Кабы пьёт эту чяру к едину́ духу́, Он калачиком... Да и сам-то к тому да приговаривал: «Окатило моё да ретиво́ сердцо́, Обвеселило мою да буйну голову». (Цярка поря́доцьня, дак он(и) веселой стал!) А говорит тогда да Дюк Степановиць, Он закусывать калачик ишепчонинькой, Абы сам-то себе да приговариват: «Аж у мня-то у родимой ище маменьки Как калачики у мня да ище хорошии, Как(ы) подики у мня ище медяныи, Как помёлышка у нас ище шелковыя, Ах у вас-то ле, солнышко Владимер-князь, И вас ведь подики, наверно, как ведь гнилены, Как помёлышка у вас ище сосновыя — Кабы нижна-та короцька пахнёт гнилянку, Кабы верхна-та короцька — на сосенку». Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиць: «Уж ты ой еси, Дюк да ты Степановиць! А давай-ко мы с тобой да поровняимсе Кабы тыми-де мы платьём с тобой цветныим». Отвечат на то ле Дюк ище Степанович: «У мня здесь ведь платьицо дорожноё, Кабы здесь у мня ведь платьицо худяшчое. Я пошлю-де за платьём в Нижну Галицу, Привезут-де мне платьё ище цветное». Посылат-то ле Дюк да сын Степановиць, Кабы пишот письмо да своей матери: «Ты пошли-ко-се мне да платьё цветное, Я которо надевал ище одныжде в год».

Поежжает человек за платьём цветныим, Приежжаёт ле и Дюковой ронной матушки, Кабы той-де Омельфы Тимофеёвной: «Уж ты дай-ко-се мне да платьё цветноё Как своёго-то сына ведь родимаго, Кабы которо надеват он нонь онныжде в год». Назавязывала-приготляла платьё цветное, Как сапожки-ти клала ведь зелен сафьян, Кабы шубу-ту клала ище куньицу. Отправлялсэ товда да его ведь посол, Приежжал-де ле он ище во стольной Киёв-град, Привозилэ-де он да платьё цветноё. Одевалсэ тогды да Дюк Степановиць, Он сапожки надел ище зелен сафьян, Он(ы) шубу надел да ище кунию, Проводил он по шубы ишче по пуговкам: Кабы кажная пуговка стала петь своим голосом, Кабы етим ведь Дюк перещоголял его. Говорит-то ведь Дюк да сын Степановиць: «Вы берите-ко с собой бумаги множество, И чернила берите много-множество, Вы описывайте-ко мою золоту казну». Поежжали они да в Нижну Галицу, Приежжали к двору к Дюка́ Степанова. Кабы стретила ех их да ронна матушка, А садила ведь их да за дубовый стол. Приносила она фляжочку великую, Кабы было у фляжечки семьдесят рожков, Как из кажного рожка да разна напиточка — Не могли они фляжки той цены сказать. Как описывали его да ведь имучшество — Не хватило у их да бумаги белоей, Не хватило у их чернила черного. Отправлялись они да [в] стольной Киёв-град, Россказали царю да всё ведь по ряду, Россказали царю да всё ведь по чести. Кабы тим-то у их старина скончаласе, Кабы тим-то она у их покончилась.

Всё, значит, у Дюка именьё проверили. И все больше. С этим кончилась ста́рина. Этот был Чурило благодной, он был с гола щыплив. Крепко толь хотел его перещоголять. Одежда ёго, тут вишь, кажна пуговка заговорила своим голосом. Эк вон ждал своего, такой нету. (Кака-то вот была цюш горожо́на, дак пели ведью.)

(Зап. Балашовым Д. М.: июль 1963 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 81 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.